

Фигура П.Я. Чаадаева и ее рецепция в культуре Серебряного века

Дюсенова Акку Тасболатовна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра истории и теории мировой культуры, Москва, Россия

E-mail: akku.avis@gmail.com

В исследовательской литературе личность П.Я. Чаадаева достаточно широко разработана. Существуют множество монографий, научных статей демонстрирующих разные точки зрения на эту противоречивую фигуру. Многие авторы пытаются дать свою интерпретацию знаменитых писем, либо пытаются сравнить взгляды Петра Яковлевича с каким-либо мыслителем. Однако крайне мало работ посвящено отношению крупнейших представителей Серебряного века к данному философу. Нами не найдена работа, систематизировавшая взгляды крупнейших философов в одно что-то связное. Почему нам так интересен Серебряный век? Возможно потому, что именно в это время появляется систематическая самобытная русская философия. Почему именно Чаадаев? Этот человек в свое время сделал «выстрел в темной ночи», спровоцировал споры и дискуссии, явился «раздражителем мыслей». Задал вопросы на которые мы пытаемся дать ответы до сих пор. Он предстал для своих современников фигурой противоречивой, а каким он был для Серебряного века? Ведь открылись новые факты из его творчества, были опубликованы остальные письма, переписки, что позволило восстановить целостный образ Чаадаева и дать ему свою оценку.

Цель исследования: выявить и систематизировать различные интерпретации мыслителей Серебряного века на фигуру П.Я. Чаадаева.

Н.А. Бердяев обозначил Чаадаева как начало русской философии истории, как пробуждение оригинальной, самостоятельной русской мысли. Вся русская философия истории будет по Бердяеву, ответом на вопросы в письме Чаадаева. Бердяев, как философ истории, интерпретирует первое письмо как трудное самоотрицание, как «диалектический момент в развитии русской идеи», а Чаадаева как ищущего царство Божье и верящего в особый путь России, а следовательно занимающегося именно русской проблематикой.

Мережковский как представитель нового религиозного сознания, пишет о Чаадаеве как верующим в особое предназначение России: ни как Запад, ни как Восток и спасение ни в католичестве, ни в православии, а в неведомом миру раскрытии таких начал религиозной общественности как Царство Божие на Земле, заключенного в благовестии Христовом. Мы не увидим спасения, пока не вырвется крик отчаяния о наших прошлых ошибках, крик боли, этот крик нужен Мережковскому без него не видит он спасения в дни всемирной войны и всемирного разъединения людей.

Для раннего Мандельштама Чаадаев был неким вдохновляющим образцом. Человек идейно побывавший на Западе и вернувшийся, человек обладавший внутренней свободой, человек показавший, что русские люди обладают преимуществом в необходимости и свободе самостроительства. Мандельштам, тот редкий человек в Серебряном веке, который не касается «Апологии сумасшедшего», так как считал, что Чаадаев не в ней сказал то, что думал о России. Мандельштам идейно на Западе не был, но остался в советской России, имея возможность уехать.

Другого мнение о Чаадаеве имеет Розанов. В письме Веселовскому касается Чаадаева и «многострадального» письма и упомянет его как «статейку», как «ложь» которую с горячностью опровергли люди верующие и любящие свою страну, саму фигуру Чаадаева

как переоцененную и не такую уж и трагическую.

Философов называет Чаадаева «русским человеком» любящим свою страну, но не понятого в свое время. Он огорчается, что современный русский интеллигент все еще считается сумасшедшим и вынужден защищаться от ура-патриотов и слова его все такая же «апология сумасшедшего» . . .

Проведенное исследование показало, что в Серебряном веке преобладала интерпретация Чаадаева не как отступника Отечества и веры, как было принято считать до этого, а как человека, не понятого своими современниками, человека любящего свою страну и «болящего» за нее. . Предпринимаются попытки развенчания мифа о Чаадаеве как радикальном западнике и русофобе. При этом присутствуют и другие оценки личности. В целом отношение к Чаадаеву зависит от собственных установок и философских взглядов интерпретатора.

Источники и литература

- 1) Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 346 с.
- 2) Гершензон М.О. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление // Гершензон М.О. Избранное. Грибоедовская Москва. М. 2000. Т. 1. С. 381- 560.
- 3) Ермичев А.А., Златопольская А.А. П.Я.Чаадаев в истории русской мысли // П.Я.Чаадаев. Pro et contra. СПб. 1998.- 859 с.
- 4) Зеньковский В., прот. П. Я. Чаадаев как религиозный мыслитель. Журнал "Православная мысль" №5. 1947. -160с.
- 5) Мережковский Д.С. Чаадаев. /Акрополь: Избр. лит.-критич. статьи. М., "Книжная палата 1991.
- 6) Петр Яковлевич Чаадаев:[сборник]/изд.подг. Б.Н. Тарасов.-М.:Русский мир,2008.- 736 с.
- 7) Чаадаев П. Pro et Contra: Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во Русского Христ. Гуманитарного Ун-тета, 1996. 859 с.
- 8) Лосский Н.О. История русской философии. - М.: Академический проспект; Трикста,2011.- 551 с.